

ХАСАН ЯХТАНИГОВ

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ТАМГИ

В книге собраны и исследованы фамильные знаки (тамги) народов Северного Кавказа со средневековья до начала двадцатого века. Эти знаки являются историческими свидетельствами историко-культурной общности горцев Северного Кавказа.

Редактор *Р. Х. Ацканов*

Художник *Х. М. Пшихачев*

© Х. Х. Яхтанигов, 1993

НАЛЬЧИК · 1993

ВВЕДЕНИЕ

В XVI — начале XX в. в быту народов Северного Кавказа большую роль играли так называемые тамги — знаки, выполнявшие самые разнообразные функции: от элементарного знака собственности, наносимого на вещи или тело животного, до фамильного герба. Они вышивались на свадебном флаге, высекались на надмогильных плитах. Еще на заре отечественного кавказоведения отмечалась необходимость сбора, систематизации и изучения тамг. Но, к сожалению, за единственным исключением, весь процесс их изучения долго сводился главным образом к сбору и публикации небольших серий знаков.

При отсутствии достаточного количества письменных источников по истории, культуре народов Северного Кавказа изучение тамг, являющихся относительно достоверным источником, может явиться дополнительным вкладом в освещение некоторых вопросов кавказоведения.

Задача данной работы состоит в изучении литературных, архивных источников и полевого этнографического материала северокавказских горцев для того, чтобы на основе тамг исследовать вопросы этногенеза, сословно-династических, политических, обрядовых и других явлений в данном регионе.

Для этой цели были изучены существующая литература дореволюционного и советского периодов, архивные документы Кабардино-Балкарской АССР, Северо-Осетинской АССР, Дагестанской АССР, Ставропольского края, Адыгейской автономной области. Собран полевой этнографический материал. Собранная нами коллекция горских тамг составляет около 3000 знаков.

Профессор Л. И. Лавров считал первым из дореволюционных исследователей кавказских тамг Д. Кантемира, зарегистрировавшего в 1772 г. две из них [127, с. 91].

Однако наиболее тщательное изучение источников свидетельствует о том, что первыми, кто описал, зарисовал северокавказские тамги, являются безвестные писари Конюшенных, Посольских приказов русского государства, которые фиксировали партии лошадей, подаренных представителями народов Северного Кавказа русскому двору. Они по долгу службы внимательнейшим образом описывали тавры, масть, возраст, высоту и другие особенности лошадей.

Ценность этих документов в том, что они являются своеобразными первыми малыми каталогами северокавказских фамильных тамг того периода. Таким образом, говоря словами Е. Кушевой, эти документы позволяют «составить коллекцию тамг дагестанских и кабардинских владельцев на

одно-два столетия древнее зарисовок Гильденштедта» [261, с. 62].

В самом деле, если тамга Д. Кантемира датируется 1722 г., то, по данным ЦГАДА, тамга, зарисованная с лошади, подаренной кабардинским князем Шолохом Сунчалеевичем русскому правительству, относится к 1630 г., т. е. на 142 года раньше «пионера изучения кавказских тамг» Д. Кантемира. Важность данного сообщения повышается и тем, что, помимо самого рисунка тамги, архивные данные сообщают имя владельца тамги и даже сторону лошади, на которой находится знак.

В начале 1790 г. академик П. С. Паллас зарисовал «56 преимущественно кабардинских тамг» [38, с. 230], сообщив «фамилии или имена 48 владельцев тамг» [38, с. 230]. С. М. Броневский, опубликовавший эти знаки в своей книге в 1823 г., верно заметил: «...каждый завод имеет свое клеймо или тавро» [38, с. 136]. Правда, при этом он допустил неточность, назвав кабардинских князей рода Шолох «первостепенными узденями» [38, с. 136].

В 1859 г. Ф. А. Коленати опубликовал 27 тамг, упомянув при этом самых известных кабардинских, абазинских владельцев тамг того периода: Шалох (Шолох), Грамкт (Трам) и Беслен. А в 1868 г. К. Костенков, издавший зарисовки калмыцких и кароногайских тамг, выявил, что среди них одна «встречается у кабардинцев» [111, с. 170].

26 тамг «лучших пород горских лошадей Кавказа» [203, с. 67] было издано в 1875 г. В. Пржецлавским.

Более разнообразным оказался труд генерала А. П. Грамотина, в конце 40 г. XIX в. собравшего кабардинские, абазинские, карачаевские и осетинские тамги, — всего 113 [55].

Большим энтузиастом в сборе и изучении кавказских тамг оказался Е. Т. Соловьев, правда, при этом явно преувеличивал значение их, утверждая, что с помощью тамг можно «всегда безошибочно определить» [216, с. 13], какому народу принадлежат те или иные предметы старины.

Н. Н. Харузин собрал сведения о тамгах чеченцев и ингушей, заметив при этом, что среди них есть и такие, «рисунки которых заимствованы у кабардинцев» [242, с. 34].

В отличие от Е. Т. Соловьева, полагающего, что можно использовать тамги как определитель этнической принадлежности того или иного предмета древности, К. Костенков и Н. Н. Харузин первыми заметили, что тамги могут пересекать этнические границы. Кстати, учитывая стойкость традиции тамгопользования, считаем, что тамговые знаки на «глиняных ковшах» [46, с. 20] древнемеотского времени наносились по тем же соображениям фиксации собственности, по которым тамги ставились на посуду вплоть до начала XX в.

Очередная работа принадлежит Е. Д. Фелицыну, опубликованному солидное собрание в 310 тамг, дающее общее представление о характере северокавказских тамг.

Незамеченной для большинства исследователей оказалась вышедшая на турецком языке книга в 1892 г. Ее автор, Улап Мустафа Махир сын Исмаила, собрал 257 адыгейских, кабардинских, абазинских, карачаевских, ногайских, армянских тамг. К достоинствам этой солидной коллекции следует добавить и сведения автора о сословной принадлежности и прошлого этнического происхождения некоторых фамилий.

Исследуя балкарские тамги, в 1907 г. Н. А. Караулов издал 22 тамги главных фамилий балкарских владельцев. Он также первым заметил сходство графической основы части балкарских тамг с крымскими.

Самое обширное собрание в свое время собрал Р. Н. Костонянц, его коллекция составила 342 кавказские тамги.

Несмотря на многократные поиски автора этих строк, ненайденными по сей день остались карачаевские тамги, собранные в 1926 г. крымским краеведом О. Акчокраклы.

Если вышеупомянутые авторы, чьи работы носили в основном собирательно-описательный характер, и не ставили задач по изучению конкретных тем: о происхождении, о функциях, о причинах сходств, о сословных значимостях горских тамг (за исключением частично коснувшихся этой темы Е. Т. Соловьева, Е. Д. Фелицына, Н. А. Караулова, Улап Мустафы), то работа первого советского исследователя горских тамг В. П. Пожидаева стоит особняком. Он создал целенаправленный и обширный очерк «Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент» [204].

Но, несмотря на заслуги этих трудов, на наш взгляд, В. П. Пожидаев явно преувеличивал историко-культурное значение кавказских тамг, полагая «выяснить смысловое значение» [204, с. 242] знаков и одновременно считая часть их тотемными знаками. В. П. Пожидаев далее считал, что кавказские тамги вместе с сарматскими знаками Северного Причерноморья «положили начало глаголическому алфавиту древних славян» [204, с. 243].

Выступая против концепции В. П. Пожидаева, в 1930 г. И. И. Мещанинов отрицал возможность кавказского происхождения сарматских знаков и сводил их к графике «тотемических ячеек» [160, с. 86].

Далее последовали публикации Б. А. Калоева [95], обнаружившего около 50 знаков в Дигории, и около 40 в работах В. П. Невской и И. М. Шаманова [181, 182, 183, 184, 256].

Весьма дифференцированно подошла к изучению кавказских тамг исследователь Э. И. Соломоник, полагавшая невозможность кавказского происхождения сарматских знаков, но допускавшая при этом возможность происхождения «кабардинских тамг от сарматских» [217, с. 45].

Первое научное обширное описание обычаев, связанных с обрядом таврения у кабардинцев, дал Г. Х. Мамбетов [144, с. 149].

Большой вклад в сбор и изучение кавказских тамг сделан исследователем А. Ш. Джанибековым, чья коллекция в 52 ногайские тамги нами была зафиксирована в архиве Дагестанского научно-исследовательского института им. Г. Цадасы [263].

Солидное количество балкарских тамг было опубликовано А. И. Мусукаевым.

Самое большое исследование по истории абазинских тамг в сегодняшней литературе собрано и опубликовано Ш. Ш. Хурановым — 336 знаков [244].

Работа его выгодно отличается от предыдущих тем, что автор не ограничился научным описанием абазинских тамг с аспекта лишь абазинской истории, а в предлагаемой таблице предусмотрел графы, дающие возможность знать их аналогии у соседей: абхазов, ногайцев, туркмен, карачаевцев. Общность графических тамг, приведенных Ш. Ш. Хурановым, с тамгами адыгских народов является дополнительным свидетельством единства этнической истории *абазин*, адыгов и абхазов. Работа Ш. Ш. Хуранова является первой публикацией, пытавшейся установить дотюркское название (абазинское) тамги, «известны случаи исконных слов замены тюркизмами» [244]. Далее автор предполагает, что «словом, обозначающим тамгу» у абазин было «дзарна» [244].

В работе Ш. Ш. Хуранова имеются интересные сведения о традициях пользования тамгами у абазин, приводится таблица тамг, локализованная по конкретным населенным пунктам Карачаево-Черкесии.

Из всех видов научных публикаций по кавказским тамгам самой фундаментальной по объему по сей день является работа профессора Л. И. Лаврова. В ней Лавров исследовал все работы, предшествовавшие 1978 г., и для анализа собрал огромный каталог тамг — до 1384 знаков, самый большой в литературе советского периода.

Лавров, в отличие от предыдущих авторов, дал первое объяснение ареала «кавказских тамг» [127], предположив наличие его связи с «историей территориального распространения на Кавказе табунного коневодства» [127, с. 103].

Вторая заслуга известного кавказоведа состоит в том, что он первый предложил рассмотреть тамги не только как знак

собственности, но и более широко. При этом выявил следующие ее функции:

а) тамга как «производственное клеймо» [127, с. 103] - когда владелец занимался улучшением породы и выводил свою породу;

б) тамга как «подпись или печать» [127, с. 103] — когда ее ставят на дверях кунацкой или под документом;

в) тамга, выполняющая «роль герба» [127, с. 103] — когда ее ставили на знамя или же когда высекали на могильном памятнике.

Появление тамги в эпоху господства родового строя Лавров считает малообоснованным, но, касаясь значения тамги в родственном аспекте, он объясняет, что «знак собственности, общий для всей фамилии, с течением времени становился графическим символом ее, т. е. гербом. Поэтому, когда родственные семьи вместо общего трафарета обзаводились отдельными, то в таких случаях последние, как правило, оказывались либо одинаковыми по форме, либо отличались один от другого только деталями. Сходство тамг должно было подчеркивать принадлежность их владельцев к общему родственному кругу» [127, с. 104].

Видоизменение тамги в его научном очерке прослеживается и на фоне эволюции рода с пояснением, что «фамильная тамга позволяла различать скот отдельных семей данной фамилии и могла быть заменена семейной тамгой, если внутрифамильные связи ослабевали [127, с. 104]. Далее Лавров объяснил причины совпадения формы тамг «у совершенно разных фамилий, даже у родственных народов» [127, с. 104] четырьмя причинами. Это, во-первых, случайность, особенно, когда речь идет о знаках, представлявших собой простейшие геометрические фигуры; во-вторых, то, что нередко зависимые сословия пользовались «тамгой своего владельца» [127, с. 104]; в-третьих, после смерти последних их тамгу присваивала другая фамилия; в-четвертых, совпадение тамг могло указать на их общее происхождение, «хотя родственные связи между ними утрачены» [127, с. 104].

Процессы частичных ассимиляций, зафиксированные в тамгах, не выпали из поля зрения Лаврова; относительно сходства некоторых кавказских тамг с ногайскими и крымскими тамгами он писал, что «часть из обладателей подобных тамг действительно происходила от нагайцев или татар» [127, с. 108]. Аналогичную связь закономерно он усматривает в исторической общности родственных племен адыгов, абхазов, абазин. Здесь он занимает позицию, противоположную И. И. Мещанинову,

писавшему, что сравнение тамг «ничего не дает» [127, с. 107]. Допуская элемент случайности в совпадении линейных знаков разных племен и районов, тем не менее Лавров сходство горско-кавказских тамг с сарматскими и боспорскими знаками считает элементом «культурной преемственности» [127, с. 108], что отрицается В. С. Драчуком. Лавров в своем исследовании пошел дальше других ученых и вполне аргументировано считает, что есть основание утверждать «наличие генетической связи некоторых тамг с сарматскими знаками и с ногайско-татарско-среднеазиатскими тамгами и руническими знаками письменности» [127, с. 108].

Часть исследователей пыталась до Лаврова объяснить смысловое значение тамговых знаков, делая акцент на религиозно-тотемическую сторону. Лавров же, признавая возможность наличия в них «религиозно-магического символа» [127, с. 103], объективно заметил, что у большинства тамг смысл рисунка «невозможно определить без риска перейти границы разумного» [127, с. 103]. Кроме того, он сделал важный научный анализ, в итоге которого пришел к выводу о том, что они представляют собой вариации примерно одного и того же комплекса исходных фигур: круга, лиры, дуги, подобия буквы «П»... Такой комплекс фигур у разных горских народов от Абхазии до Чечни встречается почти в одинаковых пропорциях. Лавров в этом справедливо усматривает «результат тесных и длительных взаимосвязей, существовавших у разноязычного населения Кавказа, а в ряде случаев и взаимной ассимиляции» [127, с. 107].

Важным выводом, сделанным Лавровым, является то, что, по его словам, тамги могут «играть роль существенного исторического источника» [127, с. 106].

Недостатком же работы Лаврова является неточность в написании 13 фамилий.

Большую работу о древних знаках Карачая опубликовал кандидат исторических наук С. Я. Байчоров. Данный труд является свидетельством того, что тамги являлись и символами гражданского статуса для проживания в данном конкретном пункте, о чем свидетельствуют конкретные каменные таблицы фамильных тамг [22].

Очень удачно исследовательскую ценность тамг определил кандидат исторических наук В. М. Батчаев, назвавший их «перспективным материалом для исторического анализа» [28, с. 62].

В противовес Драчуку, отрицавшему генетическую связь кавказских тамг с сарматскими и объявлявшему эти сходства «случайными, конвергентными» [28, с. 62], Батчаев аргументирует научно-историческим фактом, доказывающим, что именно «группы сармато-аланского этноса составили в свое время один из основополагающих

компонентов в формировании не только ираноязычной осетинской народности, но и целого ряда других кавказских народов, в том числе адыгов и балкаро-карачаевцев» [28, с. 62].

Данная автором небольшая таблица сравнения сарматских знаков с балкаро-карачаевскими тамгами и рассмотрение их на фоне остальных горских тамг дают понять, что случайное сходство здесь минимальное. Отдавая дань научной объективности, В. М. Батчаев пишет о «недопустимости и обратной крайности, предполагающей генезис всей совокупности кавказских знаков только от сармато-аланских» [28, с. 62].

Предлагаемая нами работа *является* итогом полевых работ в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи, изучения архивных материалов городов Нальчика, Орджоникидзе, Ставрополя, Черкесска, Майкопа, а также всей предшествующей литературы.

В работе делается попытка рассмотреть горские тамги с нестандартных в исследовательском смысле аспектов: показать в них этногенез народов; сословно-политические, политико-династические отношения; обряды и пищу, связанные с актом таврения.

В отличие от Лаврова, избравшего геометрический принцип составления каталога тамг, мы предпочли алфавитно-фамильный принцип, поскольку именно этот порядок удобен при рассмотрении этнических и патронимических связей.